

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ В ПОНИМАНИИ ПРЕДРАССУДКА КАК ФОРМЫ КОГНИТИВНО-ЦЕННОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СТРУКТУРЕ СОЗНАНИЯ

Основным предметом рассмотрения в данной статье является теоретико-методологическое осмысление понятия «предрассудок» в рамках специального философского анализа. Затрагиваются также некоторые философско-психологические аспекты исследования предрассудка как феномена человеческого сознания и намечаются перспективы изменения в понимании предрассудка в контексте предпосылочного знания.

Ключевые слова: метафизические основания, метафизические допущения, предпосылка, предпосылочное знание, предрассудок, ценность, установка.

Философское исследование какой-либо проблемы, на наш взгляд, в качестве своего обязательного компонента предполагает либо непосредственное выяснение метафизических оснований этой проблемы, либо по крайней мере потенциальную возможность сведения к ним наиболее существенных ее оснований. То, что здесь имеется в виду под «метафизическими основаниями», в данном случае берется в наиболее устоявшемся, традиционном смысле, а именно с точки зрения диалектики наиболее общих и необходимых гносеологических и онтологических аспектов конкретного объекта исследования. Здесь, по всей видимости, мы имеем дело также и с другим проявлением диалектичности рассматриваемого процесса. Поскольку метафизические основания как таковые сами выступают предпосылкой для любого философского исследования, то предпосылочность априорно входит в понимание того, что можно называть метафизическими основаниями изучаемого объекта. Насколько удастся обосновать всеобщность и необходимость исходных методологических установок в понимании предпосылочности, настолько же можно говорить о степени метафизического обоснования нашего исследования. И наоборот: само обнаружение каких-либо метафизических оснований в конкретных предпосылках (точнее, в том, что уже называется предпосылками) должно говорить об определенной степени всеобщности и необходимости ее оснований. Учитывая это, в предельно общем виде предварительная логическая схема нашего исследования может быть выражена как процесс восхождения от абстрактно-метафизических характеристик предпосылочности как всеобщего и необходимого условия познания к дальнейшей его последовательной конкретиза-

ции в категориях предпосылки, предпосылочного знания и предрассудка.

Но если предпосылочность как условие познания вряд ли сегодня вызывает серьезные теоретические возражения (хотя исторически это не всегда было так), то отношение к предрассудку, хотя и взятому как одна из форм выражения предпосылочности, носит совсем иной характер.

Дело в том, что в понятии предрассудка в качестве внешней составляющей его как явления наиболее заметной его характеристикой выделяется ярко выраженная негативная предубежденность по отношению к тому объекту, на который направлен собственно предрассудок. Дело в том, что предрассудок, будучи определенным элементом человеческого сознания, несет в себе не только когнитивный, но и ценностный аспект. Предрассудок, на наш взгляд, относится к таким актам сознания, в которых второй (т. е. ценностный) аспект является доминирующим. С точки зрения психологической характеристики это выражается в неизбежном превращении предрассудка в установку, то есть выражающую определенную преднаправленность сознания действовать в соответствии с заложенной в нем заранее оценкой ситуации. Если такая оценка носит негативный характер, то стремление избавиться от нежелательной оценки конкретного объекта перерастает в желание избавиться и от «пристрастного суждения», то есть такого, в котором «субъективная оценка» превалирует над «объективным знанием». В истории человеческого познания это всегда называлось «освобождением от предрассудков». Проблема в том, что критерий субъективности и объективности сам по себе может быть пристрастен и логически соотносим с поиском достаточного основания, где мы углубляемся в

бесконечный поиск оснований достаточности. Возникает предубежденность против предрассудков, как это произошло в эпоху Просвещения, отмеченной тотальной борьбой с предрассудками со стороны поклонников превосходства Разума (отождествляемого фактически с понятием рассудка). Преклонение же *пред* всесильностью чего-либо наиболее адекватно и эффективно, на наш взгляд, достигается воспитанием или самовоспитанием в себе именно *пред*рассудков, но отличающихся не негативной, а уже позитивной «заряженностью».

Таким образом, причины рассматриваемой негативности носят как логический, так и психологический характер и при этом обусловлены исторически. Предрассудок – это «плохой вестник», и вызываемая им эмоциональная негативность непроизвольно переносится на ее носителя. И наоборот, эмоциональная позитивность может вызывать и «благосклонность», терпимость к соответствующим предрассудкам, хотя они могут при этом и не называться таковыми (в силу сложившейся предубежденности к предрассудкам вообще). Но более детальный философский анализ сущности предрассудка, взятой как системная целостность, отвлеченная (абстрагированная) от этих факторов, но содержащая их в снятом виде, показал, что эта проявляющаяся чаще всего негативность прежде всего относится именно только к явлению, но не к сути феномена. В этой связи невольно напрашивается другая известная метафора. Предрассудок предстает в образе «гадкого утенка», который в процессе раскрытия его онтологически-экзистенциальной сущности должен пройти становление, «превратиться», испытать перевоплощение и обрести свой подлинный статус. И главная проблема здесь – пройти онтологическое очищение путем освобождения его от гносеологических предрассудков по отношению к самому себе. Другими словами, речь идет об особом онтологическом повороте в метафизическом осмыслении проблемы предрассудка. Но при этом существующая гносеологическая интерпретация несколько не устраняется, а оставляется для его последующего переосмысления на других методологических основаниях, что вызывает, как нам естественно представляется, ассоциацию с методом феноменологической редукции.

Все это заставляет рассматривать предрассудок как предмет специальной, собственно философской интерпретации, которая, на наш взгляд, должна быть фундаментальной основой

сущности предрассудка и выступить предпосылкой дальнейшего исследования уже проявлений этой сущности, как на индивидуально-личностном, так и социально-коммуникативном уровнях.

Наиболее адекватно такой задаче и соответствует выявление метафизических оснований предрассудка как явления и факта сознания. Это отчасти обусловлено тем, что в истории философии слово «метафизика» часто употреблялось как синоним философии. Из всего многообразия смыслов, исторически приписывавшихся метафизике, нам представляется наиболее значимым исходя из конкретных целей нашего исследования такая трактовка ее, которая придает метафизике значение специально обоснованного метода. Кроме того, это позволяет избежать некоторых возможных недоразумений в использовании терминов, несмотря на то, что эти затруднения, связанные с противопоставлением метафизики и диалектики, в целом уже преодолены и кому-то даже такая оговорка может показаться излишней. Хотя такой подход обнаруживается как один из самых древних, но вместе с тем и сохранившим свою актуальность и непреходящую методологическую эффективность и поэтому получающий должную оценку. Не случайно в академическом «Словаре философских терминов» такая позиция в отношении к метафизике является ключевой: «У Платона метафизика может быть уже обнаружена как специально обоснованный метод. Не предпринимая формального расчленения «мудрости» на различные науки, Платон дает, тем не менее, в ряде диалогов описание высшего типа знания, восходящего от эмпирической реальности к бестелесным сущностям по иерархической «лестнице» понятий и нисходящего обратно к чувственному миру, обретающего при этом способность видеть истинное бытие и находить во всяком множестве единство, а во всяком единстве – множество (Платон называл этот метод «диалектикой»)» [3: 320].

Дело в том, что именно диалектический метод позволяет, на наш взгляд, более ясно представить, осознать, главное, наметить основные пути преодоления тех трудностей, которые возникают всякий раз, когда наблюдается несомненный разрыв в понимании того, что относится в предмете исследования только к явлению, а что непосредственно к сущности. Это позволяет ответить на основной возникающий при этом вопрос: как быть, если при возникновении указанной коллизии сущность всегда является, а явление всегда существенно, если, конечно, при

этом вообще сущность и явление осознанно противостоят относительно друг друга?

Применение диалектического метода может представить и все, что будет предпринято в объяснении явления, природы и сущности предрассудка в рамках определенной логической схемы. Так, предварительное описание как некоей данности факта сознания и психологические характеристики предрассудка, выявленные при этом, предстают *бытием* предрассудка. Трансцендентально-феноменологические и герменевтические концепции предрассудка соответственно связываются с *сущностью* предрассудка. И, наконец, диалектическая модель предрассудка могла бы играть роль того, что могло бы претендовать на *понятие* предрассудка. Тогда, на более высоком уровне диалектико-философской абстракции, правомерно выделять свою *логику* предрассудка; *природу* предрассудка; завершать должна *идея* предрассудка.

Логика предрассудка, как и идея предрассудка, может быть раскрыта на протяжении достаточно длительного исследования, но может быть дескриптивно проявлена и отдельно. Природа же предрассудка в ее наличном, естественном существовании наиболее адекватно заявляет о себе при описании социально-психологических, социокультурных, экономических и политических факторов, определяющих функционирование конкретных предрассудков, что может быть отнесено с этих позиций к *инойбытию* предрассудка, поскольку сущность предрассудка здесь находится *не-в-себе* и *для-себя*, а лишь выступает как функция, иногда как функциональный эквивалент важнейших социальных закономерностей.

Такая методологическая посылка может иметь самое непосредственное практическое применение. Например, попытка объяснить некоторые неудачи в разрешении конфликтных ситуаций, в частности в сфере национально-этнических отношений, наличием «вековой власти предрассудков» будет выглядеть как поверхностная и малоубедительная. Это заставит, в свою очередь, искать подлинные причины неудач, а предрассудкам оставить свое место. Другими словами, здесь речь идет о своеобразной переоценке той роли, которую играют предрассудки. Но не менее важной нам представляется и могущая возникнуть недооценка. В этой связи нами выдвигается гипотеза, заслуживающая быть тезисом рационального обоснования: предрассудок *сам-по-себе* нейтрален к истине и заблужде-

нию, к позитивным или негативным ценностям. Если в той мере, в которой достигнутый при этом уровень теоретической обоснованности признать достаточным, то вся сила, весь потенциал, заложенный в предрассудке, может быть не только рассмотрен в качестве нежелательной помехи, а использован для достижения позитивного результата.

Как видно, предложенная трактовка предрассудка в рамках диалектической его интерпретации носит достаточно абстрактный характер, то есть выполняет задачу осознать предрассудок в границах исходной теоретической конструкции, представляющей собой некоторую целостность в качестве абстрактной модели воспроизводимого объекта. Эта «исходность» понимается здесь не как методическая схема исследования предрассудка, в противном случае эта схема должна была бы только формально-логически предшествовать, но и как самораскрытие содержания этих исходных абстракций в процессе их развития. Поэтому наше исследование не начинается с обращения к реальной конкретности предрассудка, выраженной в определенном факте психической деятельности, а занимает подчиненное место в построении анализа с точки зрения определенных философских концепций.

Но проблема предпосылки, предпосылочности знания и обусловленная ими собственно проблема предрассудка проявляют свою более тесную связь с собственными метафизическими основаниями в процессе резко критического, негативистского переосмысления гносеологического статуса метафизики. Как известно, представители, например, критического позитивизма вообще выдвинули задачу устранения метафизики из философии и науки. Так, эмпириокритицизм пытался обосновать радикальный тезис о необходимости очищения опыта от всех ненаблюдаемых, неконтролируемых компонентов и предпосылок, то есть, в его понимании, от предрассудков. Размежевание позитивной науки от философии, по мнению Э. Маха, должно идти по пути очищения научного мышления от метафизических (т. е. философских и тем самым ненаучных) предпосылок, это он считал важнейшим условием прогресса подлинного знания. Но при этом важным методологическим моментом и одним из следствий последовательно проводимого принципа «непрерывности опыта» явился вывод Маха о предпосылочности любого исследования, из которого следу-

ет важность изучения истории науки для понимания ее современного состояния и наиболее вероятных тенденций ее дальнейшего развития. В итоге был выдвинут тезис о том, что «законы природы», которые открывает наука, есть не что иное, как ограничения, которые человек в процессе познания предписывает заранее своим ожиданиям, сложившимся ранее в опыте [6]. Таким образом, предпосылочность вообще не только не отрицается, но и всячески приветствуется в качестве обязательного условия научного познания. В таком статусе отказывается метафизическим предпосылкам, которые также еще называются «метафизическими допущениями» и попадают в разряд нежелательных предпосылок как необоснованных в опыте (априорных), а для таких предпосылок всегда использовалось понятие заблуждения. Для тех же заблуждений, которые стали привычными, которых упорно придерживаются, но при этом обнаруживающих известную сокрытость, неявность – для таких предпосылок-заблуждений чаще всего и использовался ярлык «закоренелого заблуждения», то есть предрассудка.

Итак, придерживаться «метафизических допущений» в рамках вышеописанной концептуальной системы фактически означало следовать предрассудкам. Поскольку все последующее развитие позитивистски ориентированных исследований шло по пути смягчения в оценке роли и понимании метафизики, то, казалось бы, следовало ожидать адекватного отношения и к понятию предрассудка. Но этого не произошло не только в логическом позитивизме и постпозитивизме, но и в аналитической философии и философии науки по преимуществу¹, хотя в последних двух направлениях метафизика занимает вполне достойное место в качестве координирующего фактора научного исследования или важного посредствующего звена между культурой и наукой.

Продолжая традицию «демаркационизма», уже у «позднего» Поппера и его ближайших последователей и учеников (Дж. Агасси) подчеркивается важная роль метафизических допущений в научном познании, сохраняя еще разграничение между метафизикой и наукой. Затем И. Локатос признает метафизические положения в качестве имманентных факторов в ядре

научно-исследовательских программ. Но если метафизические допущения и предпосылки именно *допускаются* как структурообразующие факторы науки, то сам характер этого «допуска» выглядит как процесс отделения «рациональных зерен» от соответствующих «плевел». Но все-таки мы здесь имеем дело с «ограниченным доступом»: плевелы должны быть отброшены, и предрассудки по-прежнему в их числе. Предрассудок по-прежнему ассоциируется с интеллектуальным изгоем и, будучи в качестве такового «гадким утенком познания», он никак не становится лебедем. Означает ли все это, что мы имеем дело с аналогичной ситуацией, связанной в теологии с проблемой теодицеи? Но тогда придется признать, что метафизические допущения принимают форму *попущения*².

Эта аналогия представляется не такой уж слабой, как это кажется на первый взгляд. Стоит лишь задать вопрос, являются ли даже вполне легитимно принятые метафизические допущения и предпосылки равноправными с эмпирически выверенными и принципиально опровергаемыми (в духе фальсификационизма) положениями. Даже для представителей аналитической философии ответ скорее будет отрицательным. То есть вопрос об отношении к предрассудкам можно даже не задавать.

Но в чем причина подобной ситуации? Почему даже в процессе реабилитации метафизики, пускай и не полной, отношение к проблеме предрассудка не изменилось? Ответ на эти вопросы уже по своей внутренней логической структуре не может быть односложным, поскольку даже каждый из задаваемых здесь вопросов включает сразу несколько предпосылок.

Во-первых, само понятие метафизики топологически располагается здесь как более низкое звено иерархии ценностей знания, в которой предпочтение отдается эмпирически верифицируемому и принципиально фальсифицируемому знанию, а метафизическое знание по определению непроверяемо и неопровергаемо с этих позиций. Этот «первородный грех» метафизики никак не может быть до конца изжит в рамках этой эпистемологической парадигмы, то есть предел допущения (точнее, попущения) – это статус «чужого среди своих».

¹ Концепции неявного знания М. Полани и эпистемологического анархизма П. Фейерабенда, которые к предрассудкам вообще занимают, на наш взгляд, наиболее лояльную позицию, и можно рассматривать как оппозиционную реакцию на преобладающую точку зрения, заслуживая более пристального внимания в отдельной статье.

² Другими словами, метафизические допущения по-прежнему полноценно не *допускаются*, а лишь снисходительно *попускаются*, по аналогии с тем, что назначение термина «попущение», применяемого в теологии, в том, чтобы разграничить область прямой личной воли Бога (его активного действия) и область, где он самоустраняется от вмешательства в события (его активного бездействия).

Во-вторых, принципиальная недопустимость предрассудков в таком универсуме рассуждения при общей лояльной (но не безоговорочно позитивно приемлемой) настроенности к метафизическим предпосылкам в целом ставит перед необходимостью непростого выбора. Придется признать, что метафизические допущения и предпосылки не являются предрассудками – и тогда следует выяснить, чем же, каждый по отдельности, они все-таки являются и как они между собой соотносятся. Если же такое различие не проводится и метафизические предпосылки и предрассудки – «одного поля ягоды», но одни из них «полезные», а другие – «вредные», – тогда мы возвращаемся к ситуации отделения «зерен» от «плевел». В последнем случае постоянно будет возникать опасность ошибиться в критериях такого разделения и возникновения новой демаркационной линии, но с еще более размытыми границами. Чтобы прояснить возникшую методологическую коллизию, уместно, на наш взгляд, провести здесь хотя и не строгую, но во многом иллюстративную, показательную аналогию. Имеется в виду та ситуация, которую можно сравнить с эволюцией взглядов, также связанной с определенными методологическими трудностями в научных исследованиях, описанной и разъясненной И. Локатосом и характеризующей такую эволюцию от догматического фальсификационизма к методологическому и, далее, к утонченному методологическому фальсификационизму [5].

Но есть еще одна важная черта, характерная для различного рода проблем при их метафизическом рассмотрении. На эту особенность метафизических проблем обращает внимание Н. Гартман, отводя этой черте роль своеобразного определителя метафизичности в том или ином частном вопросе. Хотя речь идет скорее о косвенном критерии, но преимущество его в том, что он может быть обнаружен и применен практически в любой частной области философии. Так, выделяя те вопросы, которые можно было бы назвать метафизическими, но разбросанными в различных сферах исследования, отмечается общее в них «лишь то, что они везде располагаются на заднем плане частных областей философии, образуя там род остатка, с которым особенные методы этих областей не справляются» [1: 123]. Такие «остаточные вопросы», неразрешенные и неразрешаемые, и выступают особым метафизическим фоном. При этом даже если какое-либо исследование предполагает преодоление этих вопросов, то

в силу принципиальной ограниченности любых познавательных средств такое исследование неизбежно упирается в эти вопросы, и это и есть «метафизические проблемы в собственном и легитимном смысле слова» [1: 124].

Несомненно, предрассудок как явление сознания представляет собой и доставляет значимые для человеческого существования проблемы, прежде всего в той его сфере, которую принято называть при соответствующем философском осмыслении гносеологической. Но, на наш взгляд, именно с точки зрения философского исследования любой проблемы всегда присутствуют либо явно, либо незримо в качестве фундаментальных аспектов как гносеологический, так и онтологический аспекты в их диалектическом единстве. Последнее обстоятельство позволяет говорить о наличии некоего метафизического основания в философском исследовании и у проблемы предрассудка. Таким образом, в предельно абстрактном виде основную цель настоящего исследования можно определить как поиск диалектического единства онтологических и познавательных аспектов метафизической сущности предрассудка как феномена сознания.

Все вышесказанное вовсе не делает невозможным изучение предрассудка в более специальном аспекте, как философском, так и выходящем за рамки оно, например психологическом. Что, собственно, и происходит чаще всего, как только речь заходит о предрассудках при попытке их исследования со стороны философских, психологических и других наук. Так, в сфере философии в основном превалирует гносеологический характер исследования, причем предрассудок зачастую выделяется как проблема подчиненная и носящая иллюстративный характер. Это означает в большинстве случаев представление предрассудка как некоей разновидности заблуждения, которое приняло устойчивый характер и притом связывается прежде всего с ложным знанием. Действительно, там, где произносится слово «предрассудок», сразу и возникает ассоциация с указанными характеристическими чертами, что косвенно подтверждается употреблением в связи с этим тех слов в качестве синонимов, которые эти же характеристики содержат в качестве своих основных черт. Наряду с заблуждением здесь чаще всего используются, правда, с разной долей синонимичности, не менее знакомые всем слова «суеверие», «пережиток», «стереотип», «миф». На обыденном уровне это проявляется еще бо-

лее отчетливо. Достаточно открыть любое массовое издание, в котором есть популярная рубрика, наподобие такой как «Самые известные мифы о... (еде, болезнях, пристрастиях и т. д.)» – и вполне можно заменить «миф» «предвзвешенным» без опасения, что кто-то это заметит или обратит внимание.

Долгое время сам термин не получал терминологического оформления (это произошло в философии Нового времени), хотя проблема предвзвешенности находит выражение в связи с попыткой анализа причин заблуждений и близких им по смыслу суеверий. Такая позиция зарождается в античной, затем сохраняется в средневековой философии и окончательно закрепляется в теоретико-познавательных системах Бэкона, Декарта, Канта, Гегеля, где использование термина «предвзвешенность», уже закрепившегося терминологически, сопровождается превращением его в фактически синоним понятий «заблуждение» и «суеверие». Так, Ф. Бэкон отводил большую роль процессу преодоления заблуждений, естественно присущих человеческому сознанию, но при этом чередуя заблуждения, предвзвешенности и предубеждения в одном и том же смысле. Интересно, что заблуждение здесь понимается как нигде в буквальном смысле этого слова. Человеческий разум именно «блуждает» в поисках истины. Борьба с «идолами пещеры» – узостью взглядов отдельных людей – и с «идолами площади» – штампами коллективного сознания – логика и здравый смысл могут только в соединении с «мудрым сомнением» и методологически правильным исследованием. Рациональная информация, сам по себе действительный опыт, по мнению Бэкона, мало что значат для человека, если его разум усвоил себе какое-либо положение в силу общего признания и веры в это общее положение или в силу удовольствия, какое оно доставляет, стараясь из всего доставить для себя опору и подтверждение. И хотя «самые убедительные примеры могут противоречить этому, человек с затуманенным разумом не замечает или пренебрегает ими. Он скорее отделается и отклонит их непреодолимым и несправедливым предубеждением, чем пожертвует для них авторитетом своих первых заключений» [2: § 38, 43, 46]. Сходную позицию в отношении предвзвешенности можно встретить и у Канта. Это сходство проявляется в указании на естественность, необходимую присущность предвзвешенности для человеческого сознания, а также в том, что причины существования и устойчи-

вости предвзвешенности – следование авторитету (традиции) и стремление избежать неудовольствия. «Предвзвешенность, – по мнению Канта, – как бы создан для человека, он способствует безопасности и себялюбию – двум свойствам, от которых можно избавиться, лишь отказываясь от человеческой природы. Человек, находящийся во власти предвзвешенности, возносит некоторых людей на недостижимую высоту... он не способен заметить различие, которое существует между этими людьми и которое иначе заставило бы его увидеть, к его неудовольствию, насколько их превосходят те, кто принадлежит к числу посредственностей. Поэтому до тех пор, пока тщеславие будет еще владеть умами людей, предвзвешенность будет оставаться в силе, то есть никогда не исчезнет» [4: 54].

Но простая констатация и закрепление за предвзвешенностью статуса определенного дивергентного отклонения в процессе познания, связанного с отнесением предвзвешенности к заблуждению, суеверию или мифу, на наш взгляд, недостаточно решает проблему эффективного преодоления тех негативных последствий, благодаря которым предвзвешенность и привлекает пристальное внимание философов, психологов, этнологов и других специалистов в самых разных областях научных исследований. Особенно это проявляется, например, в сфере изучения социальных коммуникаций, где такие словосочетания, как «национальные предвзвешенности», «националистические предвзвешенности», «расовые предвзвешенности», «буржуазные предвзвешенности» и др., приобретают характер идиоматических выражений.

Но и в современных философско-научных исследованиях наблюдается во многом сходная с вышеописанной ситуация, которую можно назвать гносеологическим редукционизмом. В философских исследованиях, например связанных с разработкой теории и методологии науки, такая тенденция проявляется в концепциях предпосылочного знания, где предвзвешенность выступает не более как одна из форм неявного знания или скрытых, неосознаваемых парадигм в процессе функционирования научного знания. Позитивным вкладом здесь, на наш взгляд, является соотнесенность предвзвешенности уже не только с заблуждением, но и с категорией предпосылки через понятие предпосылочного знания.

Надо отметить особую точку зрения относительно понятия предвзвешенности, появляющуюся в философской герменевтике. Это вызвано тем, что здесь впервые, на наш взгляд, получает

более выраженный онтологический аспект понимание предрассудка, что, в свою очередь связано с онтологизацией в целом процесса понимания и выделяемой при этом особой структуры предпонимания. Предпонимание есть изначальное, исходное понимание в отличие от вторичного по отношению к нему и производного от него понимания как метода познания, то есть трактуемого как один из «возможных родов познания среди других, скажем, в отличие от «объяснения», должно вместе с этим последним интерпретироваться как экзистенциальный дериват первичного понимания, соконституирующего бытие-вот вообще» [7: 168].

Что касается психологических исследований в области изучения предрассудка, то использование их результатов в специально направленной философской работе, связанной с изучением феноменов сознания, хотя и выглядит вполне естественным, но требует пояснения и определения границ их применения. Во-первых, тот огромный фактологический массив, накопленный психологическими науками в изучении предрассудка за более чем полувековой период целенаправленного интереса к проблеме предрассудка, не должен заслонять необходимости определения философско-методологической базы в этой сфере. Дело в том, что сама психологическая наука специально не ставит (и не должна ставить) такой задачи, хотя у отдельных выдающихся ее представителей можно встретить некоторые философские обобщения [8]. Выполнять эту задачу призвано целенаправленно построенное философское исследование.

Во-вторых, даже сознательное определение границ между психологическим и собственно философским изучением такого сложного феномена, как человеческое сознание, не всегда представляется возможным. И предрассудок здесь не является исключением, особенно если учесть не только известную противоречивость субъект-объектных отношений сознания в целом, но и характерную личностно-субъектную характеристику тех элементов сознания, к которым, безусловно, относится и предрассудок. Все это явилось одной из причин возникновения нового направления в сфере научного гуманитарного знания, получившего название когнитивных наук, которое по самоопределению тех, кто сознательно позиционирует себя в этой области, находится на стыке всех наук, имеющих отношение к изучению человеческого интеллекта. Одной из проблем в становлении и

концептуальном оформлении когнитивных наук как единого комплекса, системы знания является тот факт, что в основном в этой сфере задействованы и получили определенные результаты ученые, профессионально занимающиеся психологией. В этой связи методологический потенциал философии зачастую остается невостребованным и недооцененным. Исследование, которое ставит целью выяснение метафизических оснований одного из конкретных элементов сознания и при этом привлекая самое пристальное внимание как философов, так и психологов, в случае успеха должно сыграть заметную роль в решении вышеназванной проблемы. Задачей более частного порядка, но, наш взгляд, также важной является ослабление от наметившегося гносеологического экспансионизма со стороны психологических исследований относительно именно проблемы предрассудка. Эту задачу по исторически сложившейся философской традиции можно назвать также преодолением психологизации (такой термин использует, например, Э. Гуссерль). Разумеется, указанная задача поэтому не исчерпывается только проблемой предрассудка. В логических исследованиях, философии языка это также актуально.

Таким образом, в качестве основной методологической предпосылки в изучении предрассудка как предмета философского исследования нам видится более адекватное сочетание основных метафизических характеристик, гносеологических и онтологических, на пути онтологизации уже имеющихся теоретических разработок гносеологического и психологического аспекта предрассудка. Одним из возможных способов решения возникающих при этом проблем нам представляется рассмотрение предрассудка как одной из форм проявления предпосылочности, которая, в свою очередь, понимается как принципиальное условие бытия особого рода – бытия человеческого сознания. Поскольку основными экзистенциальными компонентами, формами существования такого бытия являются знания и ценности, то основным направлением в исследовании предрассудка должно быть фундаментальное отношение сознания – отношение когнитивного и ценностного в конкретном его феномене. Когнитивный феномен, на наш взгляд, наиболее адекватно представлен феноменом предпосылочного знания, а ценностная составляющая требует более глубокого осмысления в дальнейших исследованиях.

20.12.2010

Список литературы:

1. Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. – 639 с.
2. Бэкон Ф. Новый Органон, или Истинные указания для истолкования природы // Соч. М., 1978. Т. 2.
3. Доброхотов А.Л. Метафизика // Словарь философских терминов. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 731 с.
4. Кант И. Критика способности суждения // Соч.: в 6-и тт. Т. 5.
5. Локатос И. Методология исследовательских программ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 380 с.
6. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования / Э. Мах. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. – 456 с.
7. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: «Фолио», 2003. – 503 с.
8. Allport G.W. The nature of prejudice. Cambridge, Cambridge: Addison-Wesley Publishing Company, 1954. – 529 p.

Сведения об авторе: **Габдуллин Ильдар Рустамович**, доцент кафедры философской антропологии Оренбургского государственного университета, кандидат философских наук
460006, Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2211, тел. (3532) 372586, e-mail: i.r.gabdullin@km.ru

UDC 111

Gabdullin I.R.

Orenburg state university, e-mail: i.r.gabdullin@km.ru

METAPHYSICAL FOUNDATIONS IN UNDERSTANDING OF PREJUDICES AS A FORM OF COGNITIVE-VALUE INTERACTIONS IN THE STRUCTURE OF CONSCIOUSNESS

The main subject of this paper is theoretical and methodological understanding of the concept of «prejudice» within the limits of special and philosophical analysis. Also the author touches upon some of the philosophical and psychological aspects of the study of prejudice as a phenomenon of human consciousness and outlines the prospects for change in perception of prejudice in the context of the prior knowledge.

Key words: metaphysical foundations, metaphysical assumptions, premise, prior knowledge, prejudice, values, attitudes.

Bibliography:

1. Hartmann N. Basic principle of ontology. SPb.: Nauka, 2003. – 639 p.
2. F. Bacon, New Organon, or true guidance for the interpretation of nature // Works., 1978. Т. 2
3. Dobrokhotov AL Metaphysics / Glossary of philosophical terms. – Moscow: INFRA-M, 2004. – 731 p.
4. Kant I. Critique of Judgement // Works.: in 6 vols. Vol. 5.
5. Lokatos I. Methodology of research programs. М.: ООО «AST Publishers, 2003. – 380 p.
6. Mach E. Knowledge and Error. Essays on the Psychology Research / Mach. – М.: Knowledge Lab, 2003. – 456 p.
7. Heidegger M. Being and Time. Ed. with him. V.V. Bibihin. – Kharkov: Folio, 2003. – 503 p.
8. Allport G.W. The nature of prejudice. Cambridge, Cambridge: Addison-Wesley Publishing Company, 1954. – 529 p.